

Соединяя времена и народы. О «Трудах Я.К. Грота»

В статье рассматривается проблема взаимосвязей классической немецкой и русской литературы в «Трудах Я.К. Грота».

Ключевые слова: Германия, Россия, Я.К. Грот, литература.

«Труды» выдающегося русского филолога с немецкими корнями Якова Карловича Грота (1812—1893) о Гёте, Шиллере и русских поэтах и писателях, их современниках, кто переводил произведения или обращался к их критике сочинений европейских писателей, состоят из пяти томов и увидели свет с 1898 по 1903 г. в Санкт-Петербурге. Существенным для ученого и педагога Грота всегда оставалось утверждение живой связи духовных ценностей, накопленных Культурой, и нравственных усилий одного человека, будь то Гёте, Шиллер, братья Гримм, Вильгельм и Якоб, или Карамзин и Жуковский. Эта часть творческого наследия профессора Грота важна как для русского читателя, так и европейского.

В «Автобиографических заметках (1852—1880)», которые были напечатаны в книге «Я.К. Грот. Несколько данных к его биографии и характеристике» (1896), он писал о своем лицейском шестилетии: «В этот период учения полюбил я немецкую литературу и читал с особенным наслаждением драматические произведения Шиллера и Гёте; французская классическая литература стояла для меня уже на втором плане. Толки о классицизме и романтизме, о субъективной и объективной поэзии находили отголосок и в наших залах. Правда, я не доходил до односторонности, которая решительно отвергает достоинство в произведениях писателей века Людовика XIV, но мои досуги уже принадлежали предпочтительно Шатобриану, Бюффону, Бернардену, Вальтер-Скотту и первым представителям германской литературы, почему и лекции немецкого профессора Оливы приобрели для меня особую занимательность» [4, с. 9].

Говоря о первых трудах, которые он принял с решительным намерением издать их, Грот назвал перевод поэмы «Мазепа» Д. Байрона и «Фригифсагу» Э. Тегнера: «Слышав много о последней, о которой и Гёте писал с большою похвалою, я с жаром принялся читать эту поэму, до-

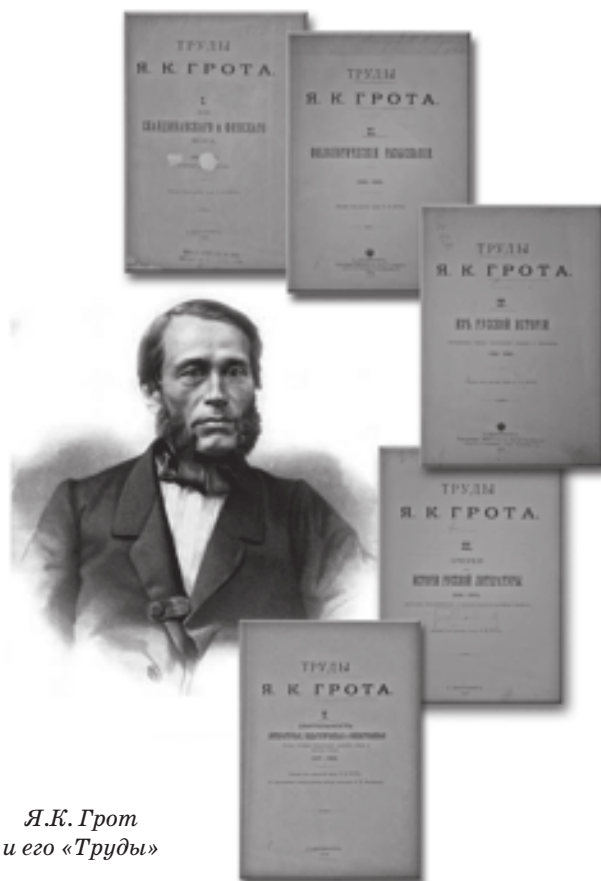
**Валентина Георгиевна
Науменко,**
профессор Российского
государственного
социального университета,
доктор филологических
наук (Москва)

стал себе немецкий перевод ее и скоро так увлекся этим произведением, что решился перевести его на русский язык. Тогда же перевел я стихами три песни. Между тем я увидел необходимость изучить наперед скандинавские древности, особенно мифологию, и усовершенствоваться в шведском языке» [4, с. 17]. В «Очерке биографии Тегнера» (1841) Грот назвал это произведение 1825 г. «венцом славы», выделив из важнейших стихотворных трудов Тегнера, добавив: «Сам престарелый Гёте приветствовал эту поэму своим одобрением, и она распространилась по обе стороны Атлантического океана» [1, с. 758]. Он верил в то, что великие люди наполняют величайшими намерениями души молодых людей. Таким образом, роль Гёте в становлении блестящего русского переводчика «Фритиофа» Тегнера значительна. Гёте, как и Шиллер, помогали российскому немцу в поисках себя и других.

Находясь в кругу финских и шведских интеллектуалов, профессор русского языка, литературы и истории в Императорском Александровском университете в Финляндии Я.К. Грот обратил внимание на то, как в свое время приветствовал Гёте начало труда своей соотечественницы Амалии Гельвиг (урожденной Имгоф), обогатившей немецкую литературу переводом «Фритиофа», начатого, когда в самой Швеции были известны только немногие песни: Гёте считал превосходными эти *северные песни* и желал, «чтобы сочинитель как можно скорее окончил свою поэму, а почтенная переводчица с любовью продолжала труд свой: тогда мы получим весь этот морской эпос в одинаковом духе и тоне. Прибавим только, что здесь древняя, могучая, исполински-дикая поэзия, по неизъяснимому превращению, очаровательно является нам в новом, мечтательно-нежном и, однако ж, вовсе не искаженном виде» [1, с. 753].

«После периода высшей производительности Гёте и Шиллера, — заявил Грот в одной из своих литературных заметок “Гёте и русские поэты нашего времени” (1844), — поэзия в Германии внезапно упала — и ветеран немецкой литературы стал все решительнее отвращать от нее взоры, наблюдая тем внимательнее симптомы литературы всемирной» [1, с. 307]. Он делает вывод, «что поэзия была чем-то искусственным, приобретенным». И тут встал вопрос о вкусе публики. Публика во времена Шиллера и Гёте, как выяснилось, ни на волос не была лучше публики 1840-х годов. Для убедительности Грот предложил читателю «Современника», где П.А. Плетнёвым были напечатаны в 1844 г. его «Литературные заметки и выписки», прочесть переписку В. Гумбольдта с Шиллером. «Уверен, — говорил Грот, — истинный поэт так же мало будет исключительно руководствоваться голосом публики, как и судом критики».

Тем из стихотворцев, кто «не хотел *развиваться*, а хотел прямо *быть* чем-нибудь», он напомнил о точке зрения Гёте: это может вызвать

Я.К. Грот
и его «Труды»

«бессилие к производительности». «Истинная поэзия никогда не отторгается от здоровой жизни и могучей действительности, — заметил Грот. — Надобно только остерегаться, как бы не смешать настоящей действительности с внешнею оболочкою жизни. Целью новейшей поэзии должно быть совершенствование способности — характеристические образы и формы действительности освещать яркими и благоухающими красками художественной красоты. Всё это многие русские поэты должны бы принять к внимательному соображению. У нас, после Пушкина, в поэзии повторяется то же, что было в Германии после лучшей поры Гёте и Шиллера» [1, с. 307—308].

«Из дорожного дневника, веденного за границей» Я.К. Грота (1861) можно узнать многое о расположении в Копенгагене к русским, к их языку и литературе — все образованные люди отзывались с уважением об ожидаемых в России улучшениях, успехах нашей литературы, ее великом будущем. Из записок ученого путешественника читателю становится известным, что профессора маленького Кия переписываются с Русским географическим обществом, а в берлинском университете много расспрашивают о Н.М. Карамзине и А.С. Пушкине. Среди тех, кого автор посетил в Берлине, был знаменитый филолог Яков Grimm, беспрерывно работавший над «Словарем немецкого языка». «Вид этого почтенного труженика посреди нескончаемой работы, наполняющей всю его жизнь, — писал Грот, — произвел на меня

самое отрадное впечатление. Он живет только для своей идеи и в выполнении ее находит свое счастье и свою награду; готовя своей нации великое наследие, он не боится ни разноречивых толков критики, ни самой смерти, которая, как он твердо надеется, не пресечет его предприятия. Понимая всю цену времени Якова Гримма, я поспешил проститься с ним, и от сердца пожимая ему руку, не мог удержаться от замечания о значении, какое его труды имели для успехов филологии в России, и о славе, какою его имя у нас пользуется» [4, с. 92].

В статье «К соображению будущих составителей русского словаря» (1859) ученый предложил «Программу словаря братьев Гримм, составленную Яковом Гриммом» в извлечении из Лейпцигского издания 1854 года. Молодой академик Императорской академии наук считал, что в идеях знаменитейшего филолога его времени «оставалось много еще такого, чем мы можем и должны воспользоваться». Потому Яков Карлович и поспешил дать слово Я. Гримму: «Как снег, иногда по целым дням падающий с неба мелкими, частыми хлопьями, наконец, непомерным слоем покрывает всю окрестность, так меня засыпает масса слов, которые теснятся ко мне из всех углов и щелей. Иногда мне хотелось бы подняться и разом всё стряхнуть от себя, но чрез минуту не могу не опомниться. Безрассудно было бы стремиться упорно к менее важным целям и упустить высшую» [2, с. 146]. И сегодня есть смысл задуматься над теми двумя источниками озарений, что осветили труднейшее создание «Словаря немецкого языка» и на которые обращает внимание Я. Гримм: феноменальные успехи немецкой философии и живое сочувствие народа к родному слову, «возбужденными укрепившиеся любовью к отечеству и неугасимым желанием ему более твердого единения. Что же у нас общего, если не язык и литература».

Народ должен иметь желание отвращаться от всякого поверхностного труда. Это понимал Я.К. Грот, который более тридцати лет трудился ради общей грамотности в России. Это понимаем и мы. Услышали бы те, кто в очередной год сократил курсы отечественной и зарубежной литературы в вузах Российской Федерации, слова автора «Программы словаря», считавшего, что «надобно открыть шлязы, чтобы волны старины доходили до настоящего», что «в массе есть потребность, влечение, любопытство узнать весь объем живой речи не раздробленной и не разложенной». Собрание слов и сейчас растет, «как соты», но останется ли «драгоценным памятником народа, которого прошедшее и настоящее в нем сливаются»?!

Всякому европейцу и неевропейцу должны быть понятны переданные в будущее 150 лет назад слова «ветеранов немецкой и русской филологии»: «Читатели всякого звания и возраста на необозримых пространствах языка должны поступать по обычаю пчел: спускаться только на те травы и цветы, которые их привлекают и нравятся им». Словесное войско не должно быть разоружено. Не случайно летом 1983 г. Международный рабочий семинар кафедры общего, сравнительно-исторического и прикладного языкознания филологического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова и секции германистики Берлинского университета им. Гумбольдта в Москве рассматривал один из самых актуальных вопросов истории языкознания — оценку творчества Вильгельма фон Гумбольдта и Якова и Вильгельма Гриммов. Этот вопрос имел большое значение для истории немецкой науки, что подчеркивали ученые разных стран в своих докладах.

Из упомянутого «Дорожного дневника, веденного за границей» Я.К. Грота можно узнать и о том, что в германских и парижских театрах тогда можно было видеть пьесы И.В. Гёте, Ф. Шиллера, Ж. Расина и Мольера: «В Галле веймарские актеры сыграли при мне “Ифигению в Тавриде”, в Висбадене видел я “Марию Стюарт”, в Берлине “Фауста” Гёте, в Париже “Britannicus”, “Tartuffe” и “Le Medecin malgré lui”» [4, с. 96]. Но ученого интересовали и лекции известных немецких профессоров. Находясь среди 80 молодых людей, слушавших К. Фишера, преподающего философию, он чувствовал живо, «что значит соединение науки и таланта, не поддерживаемых никакими внешними приманками или соблазнами». Изумительной ему показалась деятельность известного филолога, страстно изучавшего языки, в том числе славянские, А. Шлейхера. Посетив его лекции, Грот убедился, что живость, с какой он читал их, может дать только истинная любовь к науке. Не пропустил он в Иене, «городе студентов и роз»,

дома прежних славных жильцов их. «Замечателен дом, в котором жил бывший здесь профессор Шиллер, статуя которого при этом торжестве поставлена здесь в саду; двенадцать девиц возложили на нее тогда венки, ими самими плетенные, и пели хором в честь поэта. Близ статуи положен гранитный камень, большая редкость в здешнем краю», — читаем мы страницу из дорожного дневника Я.К. Грота 1861 года. «Два дня спустя был я в Веймаре, где вы на каждом шагу встречаете воспоминания литературной славы этого города в портретах и статуях Гёте, Шиллера, Гердера, Виланда и др., расставленных в окнах магазинов; здесь и внутренность дома Гёте осталась неприкосновенною» [4, с. 110].

Более поздний период творчества Я.К. Грота содержит разные путевые заметки, среди которых выделим «Письмо из Рима» (1876). Он сетовал, что «во время беглого проезда через Италию» он не мог заняться изучением ее современной литературы, но старался посещать театры. Он побывал на «экстренном представлении» в пользу «Комитета пособия Славянскому делу», за подписью которого изданы были и программы спектакля. «Играли “Марию Стюарт” Шиллера, в известном переводе Маффеи, причем роль королевы “любезно взяла на себя”, как сказано в афише, “знаменитая артистка Гиацинта Пеццана Гвальтьери, и театр безвозмездно уступлен содержанием его г. Бараккини, а для оркестра обязательно предоставлена дивизионным начальством военная музыка. Разумеется, что я был на этом спектакле и принес свою дань участия в бесконечных рукоплесканиях и превосходной артистке, и отличной музыке» [4, с. 128].

Я.К. Грот умел находить человеческие умы, которые увлекали за собою «самую благородную систему нравственности». Запоминается статья, переведенная им из английского журнала, — «Жан-Поль Фридрих Рихтер», помещенная в «Современнике» 1838 г. за подписью «Лицейский Воспитанник». В ней говорится: «Неоспоримо, что в словесности давно проложенные пути всего вернее ведут к цели: нам наиболее нравится тот талант, который сквозь старинные формы блестит новою красотою; и как бы он возвышен, как бы самобытен ни был, он никогда не унижится, подчиняясь предписанным правилам. Софокл, Шекспир, Сервантес, Гёте — все они не вводили ничего нового в отношении к принятым формам сочинений; но как они умели одушевить эти формы!» [1, с. 556]. В «Заметках о русских журналах» (1849) Грот, отмечая разнообразие содержания «Москвитянина», называет имя поэта, который был выдающимся переводчиком с немецкого языка: «Между прочим, тут есть прелестное стихотворение князя Вяземского “Зима” и прекрасные мысли Жуковского касательно “Фауста” Гёте» [4, с. 138].

История взаимосвязей русской и немецкой культур интересовала Грота всегда. Его «Очерки из

истории русской литературы» (1848—1893) вошли в третий том его «Трудов» (1901). Среди них выделим «Очерк деятельности и личности Карамзина» (1866) с примечаниями и «Очерк жизни и поэзии Жуковского» (1883) также с примечаниями к нему. Из них можно узнать, что среди любимых писателей Н.М. Карамзина был Гёте и его «Страдания юного Вертера», а любимыми поэтами были Ф.Г. Клопшток, К.М. Виланд и К. Геснер. Хваля «нежно-организованную душу» Карамзина за совершенную искренность, Грот не удивлялся, что он не избежал сентиментальности, «одного из поветрий умственной жизни XVIII столетия: не был чужд этого оттенка и Гёте» [3, с. 123]. Он писал и о «Московском журнале», который Карамзин издавал с 1791 года. Очевидно, ему было важно напомнить, что значительную долю журнала занимали переводы из известных тогда писателей — французских, английских и немецких, что Карамзин познакомил русскую публику с Оссианом и мнением Гёте о нем. В «Критических и библиографических заметках» 1869 г. Я.К. Грот размышляет о «многозначительной деятельности» Карамзина: «Многих немецких писателей Карамзин прочел с горячим увлечением. Только в Германии и Швейцарии посещал он литературных корифеев, знакомился с ними, слушал их с юношеским энтузиазмом. Кант, Гёте, Рамлер, Платнер, Виланд, Мориц, Лафатер, Геснер интересовали его в высшей степени» [3]. Грот считал, что с германской литературой Николая Михайловича Карамзина породнили путешествия.

Ученый, чьей заслугой является академическое издание «Сочинений Державина» и «Жизни Державина», в чьей жизни и творчестве занимал особое место статьи о Пушкине, обратился в 1883 г. к «Очерку жизни и поэзии Жуковского». Всякий читатель «Очерка» поймет, что В.А. Жуковского Я.К. Грот не забывал никогда. Он вместе с великим русским поэтом вносил свой вклад в распространение сведений о Гёте и, особенно, о Шиллере, однако он понимал, что перевод Жуковского получал достоинство оригинального произведения: «Быть таким переводчиком, каким был Жуковский, не удавалось еще никому ни в нашей, ни в других литературах... Его призвание — быть для русских воссоздателем новоевропейской, и преимущественно новогерманской поэзии. В первый раз обратился он к Шиллеру в 1807 г. и перевел из его “Валленштейна” песню “Тоска по милом”, которая потом была положена на музыку и долго пелась с увлечением по всей России. Вскоре после того явилась баллада “Людмила”, заимствованная из Бюргера, и затем уже идет целый ряд баллад из Шиллера, которому наш поэт сначала предпочитал Бюргера» [3, с. 174].

Гроту, который прочел свой «Очерк» в публичном собрании Отделения русского языка и словесности 30 января 1883 г., посвященном 100-летию великого поэта и выдающегося пере-

водчика В.А. Жуковского, вторили представители Кружка преподавателей: «Своими переводами из Шиллера Жуковский внес в русскую литературу целый новый мир идей и созерцаний, которые без его посредничества остались бы чужды русскому обществу и которые не могли не иметь значения для всей современной отечественной литературы. Переводы Жуковского близки к совершенству, насколько это вообще возможно» [3, с. 196]. А вот что было замечено в среде московских ученых относительно перевода «Орлеанской девы»: «Национальному гению Германии, едва достигшему порога нового века, по его собственным словам, “деятельно завершившему столетие” и, тем не менее, вдохновившему свое отечество на будущий подвиг века нового, — Жуковский представляет не мало противоположного. Кипучая натура Шиллера, уже на школьной скамье начавшего свое поприще диким протестом против закона и общественных условий и окончившего зрелым поэтическим завещанием сбросить гнет иноземного ига в своем “Вильгельме Телле”, — не могла найти полного отзвука в мирной душе Жуковского. Однако он хранил глубокую симпатию к этому поэту и считал его одним из надежных друзей своих...» [3, с. 198].

Автору случилось на Камчатке в конце 1970-х гг. убедиться в деятельной любви современных школьников к поэзии Шиллера и Жуковского во время подготовки и проведения Шиллеровского вечера в средней школе № 3 им. А.С. Пушкина [5]. В 2011 г. повзрослевшие «артисты» собирались в Петропавловске-Камчатском и в Москве, чтобы отметить 33-летие своего театра.

Жизнь и деятельность Якова Карловича Грота — ученого, педагога, писателя на рубеже двух культур, чей 200-летний юбилей был отмечен в России, Финляндии и других странах в 2012 г., привлекли внимание филологов, философов, культурологов, историков, педагогов. В Александровском институте в Хельсинки и в Музее Г.Р. Державина и русской словесности в Санкт-Петербурге была проведена Международная конференция «Соединяя времена и народы». Несмотря на многогранность личности Грота, обстоятельной научной биографии его не существует. Нет ее и в серии «ЖЗЛ». Заслуживают переиздания его «Труды», которым 111 лет. На сессии Международной конференции в Санкт-Петербурге состоялся круглый стол «Российское просвещение в гротовских изданиях», а в Хельсинки — colloquium «Интеллектуальная коммуникация Финляндии и России».

Как личность, писатель и ученый Яков Карлович Грот заслуживает самого серьезного изучения не только в России, и Российская академия наук может стать во главе такой работы. Профессор К.Я. Грот (1853—1934) говорил о присоединении статей своего отца об Академии наук и 2-м ее Отделении к академическому изданию «Сочинений Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота» и «Жизни Державина» «ввиду такой тесной и живой связи, какая существует между Академией наук, ее жизнью и историей и судьбами русского просвещения и русской литературы» [3, б/с].

Список источников

1. Труды Я.К. Грота / под ред. проф. К.Я. Грота : в 5 т. — СПб. — Т. 1. Из скандинавского и финского мира (1839—1881) : очерки и пер. — 1898. — 1072 с.
2. Там же. — Т. 2. Филологические разыскания (1852—1892). — 1899. — 941 с.
3. Там же. — Т. 3. Очерки из истории русской литературы (1848—1893). — 1901. — 331 с.
4. Там же. — Т. 5. Деятельность литературная, педагогическая и общественная (1837—1889). — 1903. — 628 с.
5. Науменко В.Г. Вперед — в прошлое. К вопросу организации литературного образовательного пространства выпускников средней школы // Academician. — 2011. — № 2. — 23 с.

Контактные данные:
e-mail: anaklavek@mail.ru

Автор иллюстраций А.Е. Козинин —
скульптор, живописец, график